

Бодрин А. В. Государство и церковь в Российской империи в 1725—1730 годах : политический аспект взаимоотношений (на примере Нижегородской епархии) / А. В. Бодрин // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 10. — С. 269—292. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-269-292.

Bodrin, A. V. (2022). State and Church in Russian Empire in 1725—1730: Political Aspect of Relations (on Example of Nizhny Novgorod Diocese). *Nauchnyi dialog*, 11(10): 269-292. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-269-292. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-269-292

**Государство и церковь
в Российской империи
в 1725—1730 годах:
политический аспект
взаимоотношений
(на примере
Нижегородской епархии)**

Бодрин Алексей Владимирович
orcid.org/0000-0003-4443-0777
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра социальной работы,
сервиса и туризма
germes.al@yandex.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Арзамасский филиал)
(Арзамас, Россия)

**State and Church in Russian
Empire in 1725—1730:
Political Aspect of Relations
(on Example of Nizhny
Novgorod Diocese)**

Alexey V. Bodrin
orcid.org/0000-0003-4443-0777
PhD in History, Associate Professor,
Department of Social Work,
Service and Tourism
germes.al@yandex.ru

National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Arzamas Branch)
(Arzamas, Russia)

© Бодрин А. В., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос о взаимоотношениях государства и церкви в Российской империи в 1725—1730 годах в политической сфере. Уделяется внимание сохранению прежней политики государства в лице Синода в отношении местного епископата. На примере нижегородского региона дается общая характеристика организации епархиального управления с описанием ряда произошедших изменений; рассматривается разносторонняя деятельность архиепископа Питирима, потерявшего надежную поддержку Петра I в связи с его кончиной и столкнувшегося с серьезными вызовами. Представлены результаты анализа проблем во взаимоотношениях светских и духовных властей в политическом плане. Предлагается классификация данных проблем на основе обобщенного анализа всего круга вопросов, ставших объектом противоречий государства и церкви. Особое внимание уделяется проблемам, которые носили финансово-экономический и административно-правовой характер. Показано на региональном материале, что по ряду вопросов для принятия того или иного решения уровня Синода было явно недостаточно и местным архиереям требовалась резолюция Сената. Доказано, что проблемы церковно-государственных отношений, заложенные при Петре I, сохранили свою актуальность и при последующих правлениях.

Ключевые слова:

Синод; Сенат; государство; церковь; епископат; епархия; политическая сфера.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the issue of relations between the state and the church in the Russian Empire in 1725—1730 in the political sphere. Attention is paid to the preservation of the former policy of the state represented by the Synod in relation to the local episcopate. On the example of the Nizhny Novgorod region, a general description of the organization of the diocesan administration is given with a description of a number of changes that have occurred; the versatile activity of Archbishop Pitirim, who lost the reliable support of Peter I in connection with his death and is now faced with serious challenges, is considered in the article. The results of the analysis of problems in the relationship between secular and spiritual authorities in political terms are presented. A classification of these problems is proposed on the basis of a generalized analysis of the entire range of issues that have become the object of contradictions between the state and the church. Particular attention is paid to problems that were of a financial, economic and administrative-legal nature. It is shown on the basis of regional material that on a number of issues it was clearly not enough for the adoption of this or that decision at the level of the Synod, and the local bishops needed a resolution of the Senate. It is proved that the problems of church-state relations, laid down under Peter I, retained their relevance during subsequent reigns.

Key words:

Synod; Senate; state; church; episcopate; diocese; political sphere.

УДК 94(47).05+94:322(470.341)“1725/1730”

Государство и церковь в Российской империи в 1725—1730 годах: политический аспект взаимоотношений (на примере Нижегородской епархии)

© Бодрин А. В., 2022

1. Введение = Introduction

Окончание царствования Петра I в январе 1725 года ознаменовало переход к новому периоду российской истории, получившему в исторической науке название эпохи «дворцовых переворотов». Первыми послепетровскими правителями были Екатерина I (1725—1727) и Петр II (1727—1730), неспособность которых к непосредственному управлению государством и открыла дорогу во власть фаворитам-временщикам, одни из которых внезапно возвышались, другие же стремительно падали [Цыпин, 2006]. Подобные изменения не могли не затронуть и политическую сферу государственно-церковных отношений, состояние которых в рассматриваемый период можно оценивать двояко. С одной стороны, это понижение статуса Синода в системе государственных учреждений как результат его зависимости от Верховного Тайного совета, что даже привело к изменению его наименования — вместо Правительствующего он стал Духовным; с другой стороны, это отказ от наиболее радикальных сторон церковной реформы Петра I (отмена института духовных инквизиторов). В целом прежний курс в отношении церкви, несмотря на некоторые корректировки, не претерпел существенных изменений в рассматриваемый период, хотя появился и новый фактор — личность монарха и окружающие его фавориты, что оказывало влияние на уровень взаимоотношений светских и духовных властей. Например, в правление Петра II преобладающее влияние имела так называемая старорусская партия и открыто стала обсуждаться идея восстановления патриаршества. Исходя из этого, можно говорить о сохранении актуального комплекса проблем во взаимоотношениях государства и церкви в политическом плане в 1725—1730 годах, научное изучение которых представляет собой единый непрерывный процесс, формально разделенный по периодам правления. Безусловно, любые изменения церковной политики на общеимперском уровне сказывались и на деятельности регионального духовенства, от которого требовалось выполнение всех государственных решений как синодальных, так и гражданских властей. Анализ данной проблематики на региональном фактическом материале позволяет более развернуто и детально выделить все группы

проблем во взаимоотношениях светских и духовных властей в политической сфере, что в итоге должно способствовать выработке объективного исторического представления об исследуемой теме.

2. Материал, методы, обзор = **Material, Methods, Review**

Историография синодального периода церковной истории с 1725 по 1730 годы представлена значительным количеством работ отечественных ученых. В обобщающих трудах дореволюционных историков содержится описание произошедших изменений в составе Синода после смерти Петра I, отношений временщиков с членами Синода, структурной реформы Синода 1726 года, статуса синодального ведомства по отношению к Верховному Тайному совету [Верховский, 1912; Знаменский, 2000; Филарет (Гумилевский), 2001]. Особое значение имеют фундаментальные исследования русских ученых, эмигрировавших после Октябрьской революции 1917 года. В них рассматривались самые разные политические аспекты церковно-государственных отношений, а именно: статус Синода, его полномочия и деятельность в системе правительственных учреждений в новых условиях; влияние так называемых верховников на все духовные дела, организация епархиального управления, положение местного духовенства, как высшего, так и низшего, и т. д. [Карташев, 1997, с. 404—411; Смолич, 1996, с. 76—106; Тальберг, 2008, с. 555—558].

Региональная специфика рассматриваемой темы отражена в диссертационных исследованиях, в которых изучались вопросы, связанные со взаимоотношениями высшего духовенства со светской властью; давалась общая характеристика органам епархиального управления, особенно архиерейского дома как главного административного центра, деятельности епископов в контексте их биографии и т. д. [Виденеева, 2001; Закржевский, 2000; Комолова, 2006; Харина, 2012]. При этом в настоящее время существует научный пробел в исследовании церковно-государственной проблематики первой половины XVIII века на материалах Нижегородской епархии. Частично его заполняют биографические работы, посвященные жизни и деятельности архиепископа Питирима на фоне происходивших тогда исторических событий [Макарий (Миролюбов), 1857, с. 91—107; Морохин, 2009, с. 145—176].

Источниковая база исследования представлена комплексом опубликованных и неопубликованных (архивных) документов, позволяющих довольно подробно проанализировать церковно-государственную тематику в политическом аспекте взаимоотношений на региональном уровне. К числу опубликованных документов следует отнести материалы синодального архива [Описание документов и дел архива Синода, т. 5, т. 6, т. 7, т. 8, т. 9];

неопубликованные документы состоят из управленческой документации синодальной канцелярии [РГИА, ф. 796, Канцелярия Синода, оп. 6, 7, 8], а также документов по истории православной иерархии на территории Нижегородской губернии [ЦАНО, ф. 570, Нижегородская духовная консистория, оп. 552].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Организация епархиального управления

Смерть Петра I в 1725 году и воцарение его преемников не привели к отмене государственного режима церковного управления; как и прежде, «епископы ставились в положение чиновников государства» [Карташев, 1992, с. 381], что наглядно продемонстрировали следующие синодальные распоряжения по случаю кончины первого русского императора. 1 февраля 1725 года в епархии были направлены указы о вызове к погребению Петра Великого Ростовского, Нижегородского, Рязанского, Коломенского, Вологодского и Черниговского архиереев. Кроме них, были еще вызваны архимандриты целого ряда монастырей. Нижегородскую епархию представлял настоятель Нижегородского Печерского монастыря. Им всем было приказано находиться в Санкт-Петербурге в первых числах марта 1725 года. 3 февраля были отправлены подтвердительные указы о том, чтобы архиереи и архимандриты въезжали в столицу на третий день после получения первого указа о вызове к погребению. Похороны Петра I состоялись 10 марта, а уже 12 марта было принято синодальное определение о приглашении епископов и архимандритов, прибывших для погребения тела императора, в Синод для объявления им трех важных распоряжений. Во-первых, «о безотлагательном возвращении им» [Описание документов и дел архива Синода, т. 5, с. 76] в свои епархии и монастыри. Во-вторых, о запрете архиереям выезжать за границы своих епархий «без испрошения на то разрешения» [Там же, с. 76] от Синода. И, в-третьих, о выдаче им на проезд из Санкт-Петербурга паспортов с указанием в них причины их нахождения в столице — присяги.

Строгий бюрократический контроль сохранялся и за документооборотом архиерейского дома. Определение Синода от 12 марта 1725 года разрешало главам епархий присылать уведомительные донесения о получении синодальных указов, подписанные их домовыми управляющими. Однако из некоторых епархий донесения за подписью управляющих стали поступать и по делам, которые требовали исключительно синодальной резолюции. В связи с этим Синод 26 июля постановил: «во все епархии подтвердить, чтобы о всяких, резолюции требующих, делах доношения и рапорты о получении указов в Святейший Синод присылаемы были от

лица самих архиереев» [Там же, т. 7, с. 244], а не от администрации архиерейского дома. Особое внимание Синод также уделял вопросам, связанным с недопущением на местах nepотизма со стороны епархиальной и монастырской администрации. Духовный Регламент прямо запрещал как епископам, так и настоятелям монастырей не только назначать своих родственников (свойственников) на какие-либо должности, но даже и «при себе держать» [Там же, т. 8, с. 377]. Однако на практике имело место массовое нарушение данной законодательной нормы высшим региональным духовенством. В связи с этим по определению Синода от 28 июня 1728 года состоялась рассылка указов от Духовной Дикастерии к архиереям, а от них в монастыри «дабы о тех свойственниках освидетельствовать достоверно, без всякой утайки» [Там же, т. 8, с. 377]. В случае наличия лиц, близких к епархиальным и монастырским властям, их следовало незамедлительно «выслать вон, без всяких отговорок» [Там же, т. 8, с. 377] и в следующий раз к отправлению никаких домовых и монастырских дел не допускать и «в келейниках не быть» [Там же, т. 8, с. 377]. Невыполнение этого решения кем-либо из епископов и настоятелей монастырей влекло за собой вызов последних в Синод «к правильному суду» [Там же, т. 8, с. 377]. Согласно синодальному определению соответствующие указы были отправлены всем епархиальным архиереям, от которых последовали ответные донесения. Так, в Нижегородской епархии два родных племянника архиепископа Питирима В. и И. Ведерницыны «жили в Нижнем-Новгороде своими домами» [Там же, т. 8, с. 378]; в Макарьевском монастыре подьячие В. Григорьев и Я. Чинаров, а также четверо слуг были «свойственники» [Там же, т. 8, с. 378] действующего архимандрита Филарета, которые «по силе указа, и отрешены» [Там же, т. 8, с. 378].

Несмотря на неизменность в целом правительственного курса в отношении церкви, нельзя не отметить и ряд шагов навстречу духовным властям в первые послепетровские годы, из которых особо выделяется отмена института инквизиторов. Отталкиваясь от сложившейся в регионах ситуации с провинциал-инквизиторами, от которых «происходят многие непорядочные поступки» [РГИА, ф. 796, оп. 8, д. 30, л. 11], а светские и духовные лица сталкиваются с их стороны с разного рода злоупотреблениями, что «весьма духовному чину неприлично и св. правилам противно» [Там же, д. 30, л. 11], а также приняв во внимание факт назначения архимандритов согласно императорскому указу от 5 февраля 1724 года «к смотрению за несколькими монастырями и приходскими церквами» [Там же, д. 30, л. 11] вместо особых инквизиторских должностей, Синод 25 января 1727 года постановил: «учинить в Синодальных Канцеляриях: С.-Петербургской и Московской, а также в Духовной Дикастерии, в Приказе Инквизиторских Дел и в других

местах» [Там же, д. 30, л. 11] подлинные подробные выписки с пофамильным перечнем лиц, назначенных на должности провинциал-инквизиторов и инквизиторов вообще, с указанием времени их назначения, а также «куда и из каких чинов» [Там же, д. 30, л. 11]. В постановлении совершенно открыто ставился вопрос о наличии хотя бы минимальных положительных результатов деятельности духовных инквизиторов с письменной фиксацией сведений о тех из них, кто совершал незаконные действия и «сколько каких известий и дел о тех их неурядках находится» [Там же, д. 30, л. 11]. Данные выписки следовало предложить на рассмотрение Синода. Но еще до составления выписок Синод во время обсуждения 15 марта дела о Сибирском и Великоустюжском провинциал-инквизиторах снова вернулся к проблеме института инквизиторов, при этом отметив, что согласно п. 8 Духовного Регламента ближайший контроль за церковнослужителями епископ доверяет «закащикам или нарочно определенным к тому благочинным» [Там же, д. 30, л. 11], выполнявшим по сути функции своего рода духовных прокуроров (фискалов) с правом надзора над вверенной им сферой и предоставления епископу доклада о происходящем в епархии. На этом заседании Синод повторно подверг критике институт инквизиторов как с точки зрения полного отсутствия какой-либо пользы от их работы, так и из-за многочисленных подтвержденных фактов совершения ими «гнусных поступков» [Там же, д. 30, л. 11]. В связи с этим того же 15 марта 1727 года Синод принял постановление, в соответствии с которым в синодальной области, а также во всех епархиях провинциал-инквизиторов следовало отстранить от занимаемых должностей и «содержать под присмотром в братстве» [Там же, д. 30, л. 11] с объявлением об этом в городах и уездах в форме указов всем лицам, принадлежащим к духовному сословию. При этом постановление давало возможность тем церковнослужителям, «кто из них обижен» [Там же, д. 30, л. 11], доносить об этом своему епископу, который, изучив эти доносы и систематизировав все дела бывших провинциал-инквизиторов, должен был отправлять их в Синод со своим заключением. Что касается надзорных функций в отношении духовных лиц синодальной области, епархий, городов и уездов, то для их выполнения следовало «определить закащиками духовных властей и поповских старост, которым и смотреть, по должностям накрепко» [Там же, д. 30, л. 11]. Данное определение в соответствии с указами 21 мая было объявлено «по всему духовному ведомству» [Там же, д. 30, л. 11] для обязательного исполнения. Итоговое решение по этому вопросу было принято 7 июня 1727 года. Согласно ему привлечение к ответственности тех провинциал-инквизиторов, которые «где в каких винах явятся» [Там же, д. 30, л. 11], Синод полностью относил к компетенции епархиальных архиереев, «как указы повелевают» [Там же, д. 30, л. 11], не перегружая

высшую духовную инстанцию такого рода делами, так как и без них «в нужнейших церковных исправлениях происходят не малые трудности» [Там же, д. 30, л. 11].

Кроме выполнения текущих функций по управлению епархиями, на региональный епископат возлагалась обязанность годового пребывания в Санкт-Петербурге (каждому в свой срок) для совершения священнослужения согласно именным указам Петра I 1719 и 1720 годов. 12 января 1725 года было решено, что на череду священнослужения, кроме одного архиерея, назначать еще двух архимандритов, «которым и заседание в Синоде с членами иметь по обыкновению» [Описание документов и дел архива Синода, т. 6, с. 56]. Исходя из этого, Синод 3 февраля 1726 года на следующую череду священнослужения в столице (1727 год) назначил нижегородского архиепископа Питирима и архимандритов Сергия (Владимирский Рождественский монастырь) и Корнилия (Пафнутьев Боровский монастырь). Однако 11 мая кабинет Екатерины I поставил Синод в известность, что Питирим «обязан тамошними раскольническими делами» [Там же, с. 57] и поэтому императрица указала заменить его на смоленского архиепископа Филофея, что и было сделано. Однако это была лишь временная отсрочка. В январе 1728 года Питирим прибыл в Санкт-Петербург и немедленно вступил в должность, не дожидаясь отъезда в Москву Тверского архиепископа Феофилакта и Коломенского митрополита Игнатия, которым ранее было поручено управление церковными делами в столице. Причем разного рода резолюции принимались Питиримом, с одной стороны, и Феофилактом и Игнатием, с другой, по очереди. Сам Питирим именовался как управляющий синодальной канцелярией. Согласно синодальной инструкции одни дела — «меньшие» [Там же, т. 8, с. 4], по которым итоговое постановление было возможно и «без общаго Синодального разсуждения» [Там же, с. 4], решались Питиримом самостоятельно, однако другая, большая часть дел, «с его мнением» [Там же, с. 4], отсылалась в Москву и относилась к исключительной компетенции Синода. По этой причине в синодальном архиве за 1728 год нередко встречается двойное производство одних и тех же дел: предварительное, бывшее в Санкт-Петербургской синодальной канцелярии, и окончательное с решением Синода, который тогда находился в Москве.

Характерной особенностью 1728 года было то, что в Санкт-Петербурге впервые отсутствовали приезжие из епархий архимандриты для отправления ежегодной череды священнослужения. Назначенные для этого еще в 1727 году архимандриты не прибыли в город по причинам, которые Синод «принял в уважение» [Там же, с. 7], определив Питириму справлять священнослужение без монастырских настоятелей, с одними имеющимися иеромонахами, протопопами и священниками.

3.2. Архиепископ Питирим как руководитель Нижегородской епархии

После смерти Петра I на престол вступила Екатерина I (1725—1727), которая «безусловно, признавала авторитет нижегородского архиепископа в вопросах борьбы с “расколом”» [Морохин, 2009, с. 147]. Тем не менее, несмотря на формальное признание достижений Питирима, уже в новое царствование последнему «приходилось встречать совершенную безучастность к своей судьбе и деятельности со стороны правительства» [Опоцкий, 1874, с. 305]. В наступившую эпоху дворцовых переворотов нижегородский архиерей находился как бы «в тени» [Покровский, 1913, с. 163], однако в любом случае политическая борьба при дворе не могла не затронуть и высших иерархов Русской Православной Церкви, среди которых были как сторонники, так и противники церковной реформы Петра I. Питирима в большей степени можно отнести к представителям умеренно-реформаторского направления высшего духовенства, которые не были активными инициаторами мер в отношении церкви, но при этом поддерживали все внутрицерковные перемены, которые ввел Петр [Бородкина, 1997, с. 230—231]. В целом Питирим был довольно известной и значимой фигурой в российском обществе того времени, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что его имя называлось среди прочих кандидатур в качестве главы Русской Церкви при возможном восстановлении патриаршества [Морохин, 2009, с. 154]. Нельзя не отметить и административные способности Питирима, которые он снова проявил в Санкт-Петербурге в качестве управляющего синодальной канцелярией. Н. И. Барсов отмечал целый ряд позитивных качеств нижегородского архиерея; он назвал его «человеком большого практического ума и сильного характера» [Барсов, 1891, с. 430], который «создан быть администратором» [Там же, с. 430]. Будучи в Петербурге, Питирим 7 ноября и 3 декабря 1728 года писал в Москву членам Синода с просьбой отпустить его в свою епархию, тем более что его преемник на годовую череду священнослужения псковский епископ Рафаил уже прибыл в столицу. В связи с этим прошение Питирима было удовлетворено, и 23 декабря того же года в синодальной канцелярии состоялась передача «преосвященному Рафаилу» [Описание документов и дел архива Синода, т. 8, с. 681] инструкции управляющего делами той самой канцелярии. Основная причина, по которой Питирим спешил вернуться в Нижний Новгород, — это дефицит денежных средств. Поскольку к концу 1728 года «припасы закончились» [Морохин, 2009, с. 176], то в своем письме от 1 декабря, адресатом которого были приказные служащие архиерейского дома, архиепископ указал на необходимость прислать продовольствие и деньги: «...икры паусной и зернистой по пуду, масла коровья пуд, масла поснова

ведро, меду два пуда, денег сто рублей, понеже и так займом пронимаюся с немалою нуждою» [ЦАНО, ф. 570, оп. 552, д. 10, л. 5]. В письме также шла речь о повторном отрешении от «казначейства казначея Мелетия и о щете ево и о прочем, и что Вы по тому указу учинили, о том ко мне и по сие число не репортовали, и Вам бы как по тому указу так и по сему отправить о сем непременно ...» [Там же, д. 10, л. 5], что говорит о том, что, даже находясь за пределами своего региона, Питирим стремился сохранить полноценный контроль над управлением Нижегородской епархией. Кроме командирования в Петербург, Питирим в рассматриваемый период столкнулся еще с двумя серьезными вызовами. Первый из них — это борьба с расколом, которая сопровождала его на протяжении всей его деятельности на посту епархиального руководителя. Питирим нередко лично ездил по территории епархии и проводил работу с раскольниками «в обращении их к православию» [Макарий (Миролюбов), 1999, с. 95]. «Не могли постоянно быть и действовать на них» [Там же, с. 95], Питирим выбрал себе помощников — особых судей по раскольническим делам. Именно они вели постоянное наблюдение над раскольниками и заведовали от имени Питирима всеми церковными делами над подведомственными им районами в качестве его наместников, для чего издавались специальные указы. В сферу их компетенции входило управление некоторыми монастырями, судебная власть над ними, проведение карательных мероприятий как с монашествующими, так и монастырскими крестьянами, «бобылями и военным караулом» [Там же, с. 95], а также полное информирование архиепископа по всем делам раскола, «что только нужно было знать ему» [Там же, с. 95]. За всеми проживающими в той или иной волости наместники были должны «смотреть накрепко, чтобы в них ни в ком никакого раскола и противности святей Церкви не было» [Там же, с. 95]. Кроме этого, в их обязанности входило и обращение раскольников в православие «неослабно и неленостно» [Там же, с. 95]. Однако, несмотря на самостоятельное производство судебно-следственных действий, помощники Питирима все дела предоставляли на рассмотрение исключительно ему для их окончательного решения. Из всех наместников наиболее известными были Гурий, иеродиакон Кержебельмашского Успенского монастыря, иеромонах Филарет, келарь того же монастыря, и Паисий, игумен Балахнинской Покровской обители. Ко второму можно отнести противодействие нижегородского архиерея разным доносам, каждый из которых превращался в настоящее дело, разбирательство по которому могло длиться годами. В период нахождения у власти Петра I, который полностью доверял Питириму, «никто не мог оклеветать хорошо известного ему епископа. Только смерть незабвенного императора могла открыть доступ к клеветам» [Там же, с. 91].

За 1726—1730-е годы можно выделить три таких дела. Первым в этом ряду можно поставить жалобу рудоискателя А. Колмовского, который писал в Синод, что Питирим будто бы после получения синодальных указов, возлагавших на него временный розыск раскольников в Казанской епархии и их «увещание» [Описание документов и дел архива Синода, т. 5, с. 65], долго не приступал к этому, потом уехал в Балахонский раскольниковский женский монастырь, где и находился до середины октября 1725 года. После возвращения из Балахны в Нижний Новгород также продолжал бездействовать. Более того, Питирим самого А. Колмовского «подверг фискальному розыску» [Там же, с. 65], требуя от него ответов на допросные пункты относительно его завода, времени его строительства, количества рабочих и т. д. Обвинительное донесение было подано в Синод 5 июня 1726 года. В тот же день состоялось слушание по этому делу. 20 июня вышло синодальное определение, требовавшее от Питирима объяснений по обвинению, предъявленному А. Колмовским. Сам синодальный указ на эту тему в окончательной редакции был издан только в 1727 году. Что касается ответа архиепископа Питирима, то он последовал 5 февраля, но уже следующего года. Питирим писал о том, что после получения указов о сыске раскольников в Казанской епархии он немедленно затребовал дело из местного духовного суда, сформировал комиссию для розыска и «увещания» [Там же, с. 66] раскольников, но «за определением тогда в Казань местного архиерея, преосвященного Сильвестра митрополита» [Там же, с. 66], он уже не имел права вступать в раскольнические дела, так как синодальные указы предписывали ими заниматься только «до будущего в той епархии местного архиерея» [Там же, с. 66]. Проведение следственных действий над А. Колмовским Питирим отрицал — «никакого фискального производства не было ни от кого» [Там же, с. 66]. В итоге Синод признал, что Питирим «во всем невинен и никакого подозрения до него не касается» [РГИА, ф. 796, оп. 6, д. 27, л. 21], а донос А. Колмовского квалифицировал как клевету. Исходя из этого, Синод, применив к последнему как к «лукавцу» [Там же, д. 27, л. 21] статью 31 Соборного Уложения и указ от 20 мая 1724 года о «партикулярных» (частных) преступлениях «с толкованием» [Там же, д. 27, л. 21], приговорил А. Колмовского к наказанию «чрез кого надлежит» [Там же, д. 27, л. 21], что и было отражено в соответствующем определении от 5 февраля 1728 года.

Второе дело — это прошение в Синод настоятеля Спасского монастыря города Арзамаса Лаврентия с просьбой вывести обитель из подчинения епархиального архиерея и вернуть ее в состав синодальной области. В прошении перечислялись «отягощения, какая терпит монастырь» [Там же, оп. 7, д. 59, л. 36] от Питирима, а именно: 1) взимание платы за

«подводы» [Там же, д. 59, л. 36] из Нижнего Новгорода до Арзамаса и обратно как с монастырских крестьян, так и с самого монастыря; 2) отсутствие монастырского двора в Нижнем Новгороде, что вынуждает Лаврентия в случае приезда в город для праздничного служения нанимать жильё «на постоялом дворе не малою ценою» [Там же, д. 59, л. 36]; 3) невозможность по причине отсутствия необходимых средств взять на свое содержание в Москве стряпчего от монастыря для приема предназначавшихся для Нижегородской епархии указов, несмотря на требования архиепископа. Синод встал на сторону арзамасского архимандрита и 7 марта 1726 года принял решение переподчинить Духовной Дикстерии не только Спасский монастырь, но и города Арзамас, Вязники, Гороховец и др. «духовными делами и постановлением в священство, сборами и пошлинами, судными и канцелярскими сборами» [Там же, д. 59, л. 36]. Относительно претензий, изложенных в прошении, Питирим должен был прислать в Синод письменный ответ, который и был получен 23 марта 1727 года. В нем очень подробно с изложением всех деталей категорически опровергались все обвинения со стороны Лаврентия. В заключение Питирим пришел к выводу, что жалоба архимандрита возникла из-за его «властолюбия, по которому ему хотелось быть на всей своей воле, как было до 1722 г.» [Там же, д. 59, л. 37]. Кроме того, как утверждал Питирим, его отстранение от управления вышеуказанными территориями привело лишь к усилению раскольниковского движения — «от чего раскольщики стали приходить в великую дерзость» [Там же, д. 59, л. 37]. По этой причине Питирим просил Синод о повторной передаче под его руководство городов Арзамас, Ярополч, Гороховец и Вязниковскую слободу в части реализации своих духовных функций: борьба с раскольниками, их обращение и др., «а в прочие дела и во всякие сборы вступать не требую, как и прежде не требовал» [Там же, д. 59, л. 37]. Однако Синод ответил отказом и в своем определении от 23 марта 1727 года все вышеупомянутые города с уездами окончательно отнес к юрисдикции Духовной Дикастерии. Правда, согласно указу Петра II от 11 июля 1727 года за Питиримом оставили заведование раскольниковскими делами с некоторым надзором за управителями, «кои будут присылаться от духовной Дикастерии» [Макарий (Миролюбов), 1999, с. 94]. В целом выведение приписных областей Нижегородской епархии из-под административной власти местного архиерея было следствием его личных неприязненных отношений с «влиятельными лицами в правительственной сфере» [Морохин, 2009, с. 161].

И, наконец, третье дело — это донесение от игумена Воскресенского Пушавинского монастыря в Юрьевце Варсонофия, поступившее в Синод в 1727 году, который еще в 1719 году «за непристойные дела отрешен был

архиепископом от настоятельства» [Макарий (Миролюбов), 1999, с. 94]. В нем Варсонофий писал, что якобы Питирим на его место поставил нового игумена, который «сковал его и свез в монастырь, где держал в железзах» [Описание документов и дел архива Синода, т. 9, с. 64]. Сверх этого, от архиерейского дома в Юрьевском уезде духовным и светским лицам «чнутся великия обиды и напрасные налоги» [Там же, с. 64], о которых будто бы все боялись сообщать. Основываясь на этом донесении, Синод принял определение, согласно которому Варсонофию «быть в том монастыре настоятелем» [Там же, с. 64], а г. Юрьевец-Поволжский с уездом возвращался в состав синодальной области. Питирим, не согласный с данным решением отправил в Синод свое донесение, в котором приводились реальные факты, доказывающие ложный и преднамеренный характер обвинений Варсонофия. В связи с этим от архиепископа были затребованы подлинные указы по обращению раскольников, затем наведены «в подлежащих местах нужные справки» [Там же, с. 65], что в итоге привело к восстановлению репутации Питирима и передаче под его управление всех ранее отобранных территорий. Правда, произошло это в мае 1730 года уже в правление императрицы Анны.

3.3. Государство и церковь: проблемы взаимоотношений

Первая группа проблем была связана с сохраняющимися противоречиями между Сенатом и Синодом по целому кругу финансово-экономических и административно-правовых вопросов. И первым в этом ряду был вопрос о налоговых сборах с раскольников. Императорские указы от 12 августа и 13 ноября 1724 года предписывали учредить при Сенате стол или контору для сбора штрафных денег с бородачей и раскольников. 11 января 1725 года Сенат потребовал от Синода предоставить приказных служащих, «бывших при этом деле» [Описание документов и дел архива Синода, т. 5, с. 14], и ведомости о количестве раскольников. Синод того же числа ответил несогласием на передачу в ведомство Сената вышеуказанного сбора, сославшись на указ 19 ноября 1721 года. К тому же из этих денег, во-первых, выдавалось жалованье «увещателям и другим приказным и служилым людям» [Там же, с. 15], имевшим непосредственное отношение к сбору данных платежей, а во-вторых, шло финансирование строительных работ в монастырях. И, наконец, уволить судью И. Топильского, который заведовал этим сбором, без «особаго Высочайшаго повеления» [Там же, с. 15] Синод не считал возможным.

14 марта 1725 года Пр. Сенат подтвердил Св. Синоду свое первое требование, основываясь на указах 1724 года. 17 марта Синод принял решение доложить об этом Екатерине I и просить ее об отмене передачи данного сбора в Сенат, так как в противном случае «и увещание раскольников пре-

сечется и действие обращения воспрепятствуется» [Там же, с. 15]. 7 февраля 1726 года императрица постановила оставить налоговый сбор с раскольников в ведомстве Сената, однако если Синоду потребуются деньги на обращение раскольников, то в таком случае необходимо будет связываться с Сенатом. Синоду предоставлялось право производить сбор штрафных денег только с неисповедовавшихся. Судья И. Топильский был назначен ассессором в Московскую синодальную канцелярию, и на этом розыскная канцелярия раскольнических дел прекратила свое существование. Что касается сбора денег с неисповедовавшихся по епархиям, то он был поручен местным епископам «с приказными их управителями, закащиками и поповскими старостами» [Там же, с. 15], для чего предписывалось составить форму для ведомостей по вышеозначенному сбору. 18 марта 1726 года Пр. Сенат просил Св. Синод прислать ежегодные ведомости о денежных сборах с раскольников за все время их производства. Такие ведомости Синод приказал составить во всех епархиях незамедлительно, а бывшим служащим, ранее состоявшим при сборе подушного оклада с раскольников, запрещалось его осуществлять «под опасением тяжкаго штрафования» [Там же, с. 15]. 6 июля 1726 года было получено второе ведение из Сената по тому же делу, по которому того же числа последовал второй указ Синода. Однако 23 сентября 1726 года Сенат был вынужден издать уже третье ведение, поскольку данные ведомости так и не были присланы из ряда губерний и провинций, в том числе и Нижегородской. В связи с этим Синод в своем определении немедленно затребовал данные ведомости, одновременно указав Сенату на необходимость со своей стороны издать специальное ведение, адресованное сенатскому стольнику А. Савелову, что «надлежит, о том требовать из Раскольнических Дел Канцелярии» [Там же, с. 16], а также и других учреждений, а не только синодального ведомства. Формально этот вопрос был окончательно закрыт 10 апреля 1727 года, когда состоялось синодальное определение о передаче всех дел розыскной канцелярии раскольнических дел сенатскому стольнику А. Савелову.

В целом отнесение раскольнического налога к компетенции светских властей негативно сказалось на его администрировании, что наглядно показала ситуация, сложившаяся в Нижегородской епархии с порядком назначения лиц, ответственных за сбор и доставку данных денег. 7 марта 1726 года в Синод от нижегородского вице-губернатора Ю. А. Ржевского поступило два донесения. В первом говорилось о том, что управляющие дворцовых волостей Юрьевского и Балахонского уездов не имеют права выбирать из числа раскольников, находящихся на их территории, «в счетчики для сбора и отвоза куда следует раскольничьих денег» [Там же, т. 6, с. 144] без отдельного указа Дворцовой Канцелярии. Во втором же речь

шла о необходимости по делам данной канцелярии в те места «где нет ямов, посылать нарочитых счетчиков и для них нанимать подводы» [Там же, с. 144], что требовало больших расходов. При этом потратить деньги из раскольнического сбора без специального указа было нельзя. Вследствие этого сбор денег с раскольников «за недачею» [Там же, с. 144] из дворцовых волостей «счетчиков» [Там же, с. 144] вообще остановился, что также отрицательно сказалося и на ведении остальных раскольнических дел. Синод того же 7 марта определил составить точные копии с этих двух донесений и незамедлительно отослать их в Сенат для надлежащей резолюции.

К этой проблеме также тесно примыкает и вопрос о виде наказания для лиц, отказавшихся от исповеди. Императорский указ от 4 февраля 1726 года временно приостанавливал действие указа от 17 февраля 1718 года о штрафах за неисповедь. Относительно же меры принуждения сельского населения к исповеди Сенат предлагал «употреблять держание под арестом в колodках» [РГИА, ф. 796, оп. 6, д. 42, л. 27]. Однако Синод не считал эту меру удобной для исполнения местными священниками и просил предложить какое-либо другое наказание. Итоговое решение по этому вопросу неизвестно, так как архивное дело не содержит ответа со стороны Сената.

Социальное обеспечение регионального духовенства также было проблемным полем во взаимоотношениях светских и духовных властей, что можно проиллюстрировать на примере выдачи монахам и монахиням, которые обратились из раскола в православие, денег из взимаемых с раскольников сборов. По случаю обращения монашествующих Успенского мужского и Троицкого женского монастырей из раскола в православие Синод указом от 15 февраля 1722 года разрешил Питириму выдавать как монахам, так и монахиням «на пропитание по 5 р. на человека в год» [Там же, оп. 8, д. 120, л. 38] из сумм, которые собирались с раскольников Нижегородской епархии. Данная практика сохранялась до 7 февраля 1726 года, когда Екатерина I указала «сбору с раскольников и бородачей быть при Высоком Сенате» [Там же, оп. 8, д. 120, л. 38], а сам Сенат в своем решении от 15 марта того же года объявил о запрете суммировать деньги из раскольнического сбора с другими и о требовании эти деньги «ни на какие расходы без указа из Сената отнюдь не держать» [Там же, оп. 8, д. 120, л. 38]. На основании этого распоряжения оказание денежной помощи монахам и монахиням вышеназванных монастырей было прекращено. В связи с этим Питирим просил Синод ходатайствовать о возобновлении вышеуказанной выдачи, объясняя это тем, что без нее монашествующим «будет великая нужда в пропитании, от которой нужды некоторые малoverные могут впасть в свою прежнюю прелесть...» [Там же, оп. 8, д. 120, л. 38]. В ответ на это Синод в своем определении от 23 марта 1726 года предписал архие-

пископу «о вышеозначенных монахах и монахинях» [Там же, оп. 8, д. 120, л. 38] требовать резолюции Сената. Однако исполнил ли это Питирим, неизвестно, архивное дело не содержит сведений на этот счет.

Ко второй группе проблем можно отнести низкий уровень административной дисциплины как синодальных учреждений, так и епархий при выполнении распоряжений правительственных органов в части своевременной доставки документов, относящихся к сфере уголовного судопроизводства, а также финансово-экономической. Так, в сенатском ведении от 6 июля 1726 года объявлялся императорский указ об амнистии лиц обвиняемых в преступлениях по фискальным делам, совершенных до 1721 года — «старых лет все дела по фискальным и доносительным доношениям отставить» [Описание документов и дел архива Синода, т. 5, с. 375] с сохранением в производстве только тех из них, по которым «впали в прегрешение с 1721 года» [Там же, с. 375]. В связи с этим 7 июля Синод постановил отправить во все подчиненные ему места указы об исполнении данного решения, а также о составлении ведомостей о всех фискальных делах «колик где каких и чьих дел по 1721 год оставится» [Там же, с. 375] и о скорейшем завершении остальных. В частности, из Нижегородского Духовного приказа судья протопоп Алексей доносил, что ведомости по данным делам быстро предоставить невозможно, «понеже провинциал-инквизитор иеродиакон Софроний Смагин и Духовного Приказа дьяк Иван Денисов и подъячей, которой у отправления тех дел был, высланы в Москву в Преображенский Приказ» [Там же, с. 376]. Особенно тяжело шел процесс получения документов о епархиальных монетарных сборах. Так, синодальное определение от 7 марта 1727 года предписывало Московской синодальной канцелярии, Духовной Дикастерии, Коллегии Экономии, всем конторам и приказам, а также региональным архиереям доставить «в самой крайней скорости» [Там же, т. 7, с. 93] для отправки в Сенат ведомости о приходе и расходе пошлин «с вечных памятей» [Там же, с. 93] и о других подобных делах. Однако это распоряжение исполнила только Воронежская епархия; Нижегородская, а также все остальные учреждения и лица ограничились лишь ответным донесением о получении указов. В соответствии с указом Екатерины I от 28 июля 1726 года о составлении таблиц о доходах и расходах по всей империи за 1725 год, а «если паче чаяния таких таблиц за 1725 год сочинить не возможно» [РГИА, ф. 796, оп. 7, д. 216, л. 99—100], то хотя бы за 1723—1724 годы, Синод в своем определении от 8 августа обязал Московскую синодальную канцелярию, Камер-контору, Дворцовый и Казенный приказы, Духовную Дикастерию, розыскную канцелярию раскольнических дел, а также епархии подготовить ведомости с 1723 по 1724 годы включительно с указанием собранных

денег, провианта и пр., «как на окладные, так и неокладные дачи, и куда сколько, и по каким указам» [Там же, д. 216, л. 100]. 30 сентября того же года в Синод был подан доклад канцеляриста В. Заводина о том, что ведомости не прислала ни одна епархия, хотя 31 августа канцелярией были повторно разосланы указы по этому поводу. Докладчик просил еще раз направить в епархии подтвердительные указы о немедленной доставке затребованных ведомостей под угрозой больших штрафов. 30 сентября Синод выпустил новое определение, в котором говорилось, что ведомости из всех подчиненных ему учреждений и епархий необходимо прислать после получения указа первой же почтой «без всякаго отлагательства» [Там же, д. 216, л. 100]. В случае неисполнения руководство синодальных ведомств понесет наказание согласно императорским указам, а канцелярские служащие и управляющие архиерейских домов «взяты будут ... на их коште, за караулом, для ответа и учинения им указа, неотложно» [Там же, д. 216, л. 100]. Административное давление, оказанное Синодом, дало свои результаты, и ведомости действительно стали поступать. Последняя по времени поступления в Синод бумага — это донесение нижегородского архиепископа Питирима о получении указа и о составлении данных ведомостей (было получено 7 февраля 1727 года). Эта тема получила дальнейшее развитие и в указе о создании при Верховном Тайном Совете Доимочной канцелярии и о доставке в нее из Сената, Синода, всех канцелярий, коллегий, губерний и провинций так называемых доимочных ведомостей. Сам указ был объявлен Синоду 18 марта 1727 года. Необходимость учреждения этой канцелярии была обусловлена, с одной стороны, значительным объемом накопленных недоимок за предыдущие годы, а с другой — опасением, чтобы недоимки «за вящим промедлением времени не пропали» [Там же, оп. 8, д. 108, л. 33]. Поэтому было принято решение предварительно собрать из всех вышеуказанных мест доимочные ведомости и по итогам их анализа взыскивать недоимки с монетных дворов, канцелярий и контор непосредственно в Доимочной канцелярии, а недоимки, числившиеся за городами, собирать губернаторам и воеводам при содействии штабных офицеров «с донесением о последующем той-же Канцелярии» [Там же, д. 108, л. 33]. Причем сборщикам было приказано «править прежде большия и надежные недоимки, и не так жестоко взыскивать на тех должниках, которые не в состоянии платить» [Там же, д. 108, л. 33]. Синод в своем определении от 20 марта 1727 года объявлял содержание указа всем подчиненным учреждениям и лицам, предписав им предоставить ведомости «в какой возможно скорости» [Там же, д. 108, л. 33] с указанием в них всех недоимок вообще, а также «и перебора по какому либо сбору, который не зачтен за другия пошлины и недоимки» [Там же, д. 108, л. 33]. Затем вследствие донесений

Доимочной канцелярии о том, что от синодальных органов и лиц не прислано ни одной ведомости, Синод согласно определениям 10 и 24 июля приказал отправить подтвердительные указы с предписанием «неисходно держать подьячих» [Там же, д. 108, л. 33] для составления бумаг. Тем не менее распоряжения Синода выполнялись медленно. Ведомости прислали только Коллегия экономии и Дворцовый приказ. Что касается епархий, то из Крутицкой, Ростовской, Тверской, Киевской, Коломенской пришли донесения, в которых отрицалось наличие любых недоимок. Суздальская епархия в своем уведомлении писала о невозможности составления данных ведомостей, так как все сборы находятся в компетенции светских чиновников (комиссаров). И только из Псковской епархии была прислана «доимочная ведомость запросным времянным разным сборам прошлых годов» [Там же, д. 108, л. 33]. Судя по отсутствию в деле сведений о других ведомостях, можно предположить, что из Нижегородской епархии необходимые документы так и не поступили.

Третья группа проблем происходила из административной неупорядоченности внутри синодального ведомства, а это уже отрицательно сказывалось на качестве выполнения отдельных решений светской власти, что можно продемонстрировать на примере лазаретного сбора.

Согласно донесениям Московской синодальной канцелярии из таких епархий, как Нижегородская, Тобольская, Устюжская, Коломенская, Вятская, Казанская, Рязанская, Воронежская, деньги, собранные на содержание лазаретов «с вечных памятей» [Описание документов и дел архива Синода, т. 5, с. 225] пусть и не ежегодно, но все же высылались в канцелярию. Из других епархий (Новгородская, Псковская, Ростовская, Вологодская, Суздальская, Астраханская, Тверская, Холмогорская, Белгородская, Смоленская) данные деньги вообще не присылались. В связи с этим канцелярия предлагала Синоду провести точную классификацию епархий с точки зрения отправки лазаретного сбора и определиться с местом его получения. 8 июля 1726 года Синод, исходя из того, что лазаретные деньги, которые собирались на основании царского указа от 3 июня 1714 года и в прошлом поступавшие в размере 1/3 сначала в Сенат, а потом в Синод, правда, не из всех епархий ежегодно, а из некоторых вообще никогда, постановил: «справиться как в Петербургской, как и в Московской синодальных Канцеляриях, сколько всего принято лазаретных денег с 1714 года и сколько израсходовано их» [Там же, с. 225], о чем были отправлены соответствующие указы. 9 июля 1726 года уже вышло определение Синода, в котором говорилось, что лазаретные деньги из всех епархий, кроме ближайших к Петербургу Новгородской и Псковской, необходимо высылать в Московскую синодальную канцелярию, «где и вести им (деньгам) ежеме-

сячную отчетность и без указов Святейшаго Синода денег тех не расходовать» [Там же, с. 225]. Две вышеуказанные в определении епархии должны были отправлять данный сбор напрямую в Синод. Осенью 1726 года вопрос о лазаретных деньгах оказался в центре внимания Военной коллегии, которая 7 ноября направила донесение в Синод. В нем приводилась короткая справка по собранным лазаретным деньгам, поступившим в коллегию с 1719 по сентябрь 1726 года согласно указам 1714 и 1721 годов в размере лишь 11 126 рублей 81 копейки, «а толикое-ль число в сборе было, того неизвестно» [Там же, с. 226]. В связи с этим Военная коллегия просила прислать ведомость о собранных деньгах и сами деньги, если, конечно, они есть в наличии. Того же числа Синод постановил и 19 декабря 1726 года разослал указы о безотлагательном предоставлении затребованных ранее из епархий ведомостей.

Четвертая группа проблем касалась нарушения в регионах законодательства Российской империи в части привлечения духовных лиц к светскому суду.

На эту тему весной 1727 года состоялось соответствующее синодальное определение, которое давало свою интерпретацию положений императорского указа от 15 марта 1727 года. В нем говорилось, что от управляющих церковными вотчинами, равно как и от крестьян, светским лицам «чинятся многия обиды в происходящих между ими в земляных и в прочих ссорах» [РГИА, ф. 796, оп. 8, д. 276, л. 75], однако под юрисдикцию губернаторского и воеводского суда они не попадали. По этой причине указ предписывал синодальным крестьянам, приказчикам и т. д., кроме лиц духовного звания, «в судных и розыскных делах быть ведомым у губернаторов и воевод по прежнему» [Там же, д. 276, л. 75]. Однако на местах по-своему понимали нормы этого указа и не делали исключения для духовенства. Так, в Нижегородской, Воронежской и других епархиях были случаи привлечения священников к светскому суду по обвинению в укрывательстве беглых и заключении их под стражу без согласования с церковной администрацией. Первоначальная реакция Синода на данные факты заключалась в подготовке в его канцелярии полной юридической справки по вопросу судебной юрисдикции светских и духовных властей, которая базировалась на двух источниках права: 1) «источники права, общие для всей православной Церкви» [Смолич, 1996, с. 83], а именно: Кормчая книга с правилами церковных соборов и сводом законов византийского императора Юстиниана; 2) «русские источники права, проистекавшие из государственного и церковного законодательства» [Там же, с. 83], к которым, в частности, относились докладные пункты Синода от 15 марта 1721 года и указы Петра I от 4 сентября 1722 года и Екатерины I от 15 марта 1727 года.

Основываясь на данной справке, Синод 14 июля 1727 года принял постановление, призванное остановить незаконную судебную практику по отношению к духовным лицам. В постановлении приводилась обширная ссылка на положения императорских указов, по которым лиц духовного звания запрещалось отдавать под суд, и «светским командирам» [РГИА, ф. 796, оп. 8, д. 276, л. 75] предписывалось данную категорию людей «ни по каким делам, не токмо по маловажным, но и по важным, без ведома архиерейского или духовных управителей, отнюдь не брать» [Там же, д. 276, л. 75]. В случае необходимости проведения следствия и допроса указ требовал от чиновников ставить в известность Синод с указанием важности дела. При наличии доноса на церковнослужителей в каком-либо преступлении, «кроме тяжких государственных вин» [Там же, д. 276, л. 75], дело подлежало рассмотрению в Синоде, «пока оные до гражданского суда приличны будут» [Там же, д. 276, л. 75]. Соответственно ни одно гражданское учреждение (коллегия, канцелярия) не имело права задерживать относящихся к духовному причту, а подача на них заявления с жалобой (челобитной) «в злодеянии» [Там же, д. 276, л. 75] могла осуществляться только в Синоде. В завершающей части постановления воспроизводился текст указа Екатерины I от 15 марта 1727 года об отнесении крестьян, служащих архиерейского дома и прочих мирян, состоявших на «службе в Церкви» [Смолич, 1996, с. 175], к юрисдикции светского суда по уголовным и гражданским делам, за исключением духовных лиц, что особо подчеркивалось: «т. е. всем чинам, кроме духовных чинов» [РГИА, ф. 796, оп. 8, д. 276, л. 76]. В очередной раз подтверждалось, чтобы в будущем «нигде никто из светских управителей» [Там же, д. 276, л. 76] без разрешения Синода или местного епископа лиц духовного сословия задерживать, доставлять в судебные места и допрашивать и в особенности арестовывать без предъявления обвинения «отнюдь не дерзали» [Там же, д. 276, л. 76]. В связи с этим Синод в своем специальном ведении потребовал от Сената отправить во все губернии и провинции указы на данную тему. Подобные указы, но уже от синодального имени, были направлены в епархии и «ставропигиальные» [Там же, д. 276, л. 76] монастыри.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, сохранение синодального характера духовной реформы Петра I при его преемниках, первыми из которых были Екатерина I и Петр II, означало и продолжение прежней политики, в рамках которой Русская Православная Церковь ставилась в полную бюрократическую зависимость от абсолютистского государства, функционируя на правах одного из его институтов, что в том числе хорошо прослеживается на при-

мере деятельности региональных епархиальных администраций. Это и вызов в столицу специальным указом на похороны императора Петра I определенного числа архиереев, среди которых был и нижегородский архиепископ Питирим, с последующим немедленным возвращением обратно, и подтверждение запрета местному епископату покидать свои епархии без разрешения Синода, и усиление контроля за ведением документации архиерейского дома. Особым обременением для высшего регионального духовенства являлась практика годового пребывания в Петербурге для совершения своей очереди священнослужения, что было довольно затратным и в материальном плане, поскольку эта статья расходов финансировалась за счет епархиальных доходов. Прежде всего по этой причине архиепископ Питирим и торопился вернуться в Нижний Новгород. В целом период с 1725 по 1730 годы для главы Нижегородской епархии был довольно непростым по двум причинам: во-первых, это противодействие расколу, что, впрочем, было традиционным направлением деятельности Питирима; во-вторых, это противостояние разного рода жалобам и доносам со стороны противников архиепископа, среди которых особенно выделялись духовные лица. В то же время можно говорить и о сохранении группы проблем в отношениях между светскими и духовными властями, которые зародились при Петре I и получили свое дальнейшее развитие при его ближайших престолонаследниках. К ним можно отнести следующие: противоречия между Сенатом и Синодом по целому спектру вопросов, иногда приводившие к конфликту между ними и вообще понижению статуса духовного ведомства; невысокий уровень исполнительской дисциплины синодальных и епархиальных учреждений при выполнении различных распоряжений государственных органов; отсутствие системного подхода со стороны Синода при решении некоторых вопросов, что осложняло его взаимодействие с гражданскими учреждениями; злоупотребления властью светскими должностными лицами в части уголовного и судебного преследования местного духовенства.

Источники и принятые сокращения

1. *Описание* документов и дел, хранящихся в архиве Св. Пр. Синода — Санкт-Петербург : Синодальная типография, 1897. — Т. 5.
2. *Описание* документов и дел, хранящихся в архиве Св. Пр. Синода — Санкт-Петербург : Синодальная типография, 1883. — Т. 6.
3. *Описание* документов и дел, хранящихся в архиве Св. Пр. Синода — Санкт-Петербург : Синодальная типография, 1885. — Т. 7.
4. *Описание* документов и дел, хранящихся в архиве Св. Пр. Синода — Санкт-Петербург : Синодальная типография, 1894. — Т. 8.
5. *Описание* документов и дел, хранящихся в архиве Св. Пр. Синода — Санкт-Петербург : Синодальная типография, 1913. — Т. 9.

6. РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 796 (Канцелярия Синода). Ф. 796. Оп. 6. Д. 27. Л. 21. Д. 42. Л. 27. Оп. 7. Д. 59. Лл. 36, 37. Д. 216. Лл. 99, 100. Оп. 8. Д. 30. Л. 11. Д. 120. Л. 38. Д. 108. Л. 33. Д. 276. Лл. 75, 76.

7. ЦАНО — Центральный архив Нижегородской области. Ф. 570 (Нижегородская духовная консистория). Ф. 570. Оп. 552. Д. 10. Л. 5.

Литература

1. Барсов Н. И. Черты русской истории и быта эпохи императора Петра II / Н. И. Барсов // Исторический вестник. — 1891. — № 46. — С. 409—439.

2. Бородкина Н. Н. Церковь, общество и государство в эпоху Петра Великого / Н. Н. Бородкина. — Саратов : Издательство СГУ, 1997. — 604 с. ISBN 5-292-01490-7

3. Верховский П. В. Очерки по истории Русской церкви в XVIII и XIX столетии / П. В. Верховский. — Варшава : Типография Варшавского учебного округа, 1912. — 145 с.

4. Виденеева А. Е. Ростовский архиерейский дом и система епархиального управления в XVIII веке : диссертация ... кандидата исторических наук / А. Е. Виденеева. — Ярославль, 2001. — 300 с.

5. Закржевский А. Г. Архиерейская власть в системе церковно-государственных отношений в первой половине XVIII века : диссертация ... кандидата исторических наук / А. Г. Закржевский. — Санкт-Петербург, 2000. — 183 с.

6. Знаменский П. В. История Русской Церкви / П. В. Знаменский. — Москва : Крутицкое патриаршее подворье, 2000. — 464 с.

7. Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви: в 2 томах. Т. 2 / А. В. Карташев. — Москва : Терра, 1992. — 569 с. ISBN 978-5-7533-0228-1

8. Комолова Э. В. Воронежская епархия в конце XVII—XVIII вв. : образование, церковная организация, социально-политические отношения : диссертация ... кандидата исторических наук / Э. В. Комолова. — Воронеж, 2006. — 362 с.

9. Макарий (Миролюбов Н.К.). Памятники церковных древностей : История Нижегородской иерархии. / Архимандрит Макарий. — Нижний Новгород : Нижегородская ярмарка, 1999. — 700 с.

10. Морохин А. В. Архиепископ Нижегородский и Алатырский Питирим. Церковный деятель эпохи перемен / А. В. Морохин. — Нижний Новгород : Книги, 2009. — 272 с.

11. Оппоцкий А. Преосвященный Питирим, епископ нижегородский, как деятель против раскола / А. Оппоцкий // Христианское чтение. — 1874. — № 11.

12. Покровский И. М. Русские епархии в XVI—XIX вв. Их открытие, состав и пределы : Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования : в 2 томах. Т. 2. XVIII-й век. / И. М. Покровский. — Казань : Центр. тип., 1913. — 892 с.

13. Протоиерей Цыпин В. История Русской Православной Церкви : Синодальный и новейший периоды / В. Цыпин. — Москва : Издательство Сретенского монастыря, 2006. — 816 с.

14. Смолитч И. К. История русской церкви. 1700—1917. Кн. 8. Ч. 2. / И. К. Смолитч. — Москва : Издательство Спасо-Преображенского Валаамского Монастыря, 1996. — 798 с.

15. Тальберг Н. Д. История Русской Церкви : в 2 томах. Т. 2 / Н.Д. Тальберг. — Москва : Правило веры, 2008. — 775 с.

16. Филарет (Гумилевский Д.Г.). История русской церкви: в пяти периодах / Архиепископ Филарет. — Москва : Издательство Сретенского монастыря, 2001. — 840 с. ISBN 5-7533-0154-01

17. Харина Н. С. Тобольский архиерейский дом в XVII — 60-е гг. XVIII в. : диссертация ... кандидата исторических наук / Н.С. Харина. — Барнаул, 2012. — 294 с.

Material resources

- Description of documents and files stored in the archive of the Holy Synod.* St. Petersburg: Synodal Printing House, 1897. Vol. 5. (In Russ.).
- Description of documents and files stored in the archive of the Holy Synod.* St. Petersburg : Synodal Printing House, 1883. Vol. 6. (In Russ.).
- Description of documents and files stored in the archive of the Holy Synod.* St. Petersburg: Synodal Printing House, 1885. Vol. 7. (In Russ.).
- Description of documents and files stored in the archive of the Holy Synod.* St. Petersburg : Synodal Printing House, 1894. Vol. 8. (In Russ.).
- Description of documents and files stored in the archive of the Holy Synod.* St. Petersburg : Synodal Printing House, 1913. Vol. 9. (In Russ.).
- RGIA — *Russian State Historical Archive. F. 796 (Office of the Synod).* F. 796. Op. 6. d. 27. L. 21. D. 42. L. 27. Op. 7. D. 59. Ll. 36, 37. D. 216. Ll. 99, 100. Op. 8. D. 30. L. 11. D. 120. L. 38. D. 08. L. 33. D. 276. Ll. 75, 76. (In Russ.).
- TsANO — *Central Archive of the Nizhny Novgorod region.* F. 570 (Nizhny Novgorod Spiritual Consistory). F. 570. Op. 552. d. 10. l. 5. (In Russ.).

References

- Archpriest Tsyplin, V. (2006). *The History of the Russian Orthodox Church: Synodal and Modern Periods.* Moscow: Sretensky Monastery Publishing House. 816 p. (In Russ.).
- Barsov, N. I. (1891). Features of Russian history and everyday life of the era of Emperor Peter II. *Historical Bulletin.* 46: 409—439. (In Russ.).
- Borodkina, N.N. (1997). *Church, society and state in the era of Peter the Great.* Saratov: SSU Publishing House. 604 p. ISBN 5-292-01490-7. (In Russ.).
- Filaret, (Gumilevsky D. G.). (2001). *The history of the Russian Church: in five periods.* Moscow: Sretensky Monastery Publishing House. 840 p. ISBN 5-7533-0154-01. (In Russ.).
- Kartashev, A. V. (1992). *Essays on the history of the Russian Church: in 2 volumes.* Vol. 2. Moscow: Terra. 569 p. ISBN 978-5-7533-0228-1. (In Russ.).
- Kharina, N. S. (2012). *Tobolsk episcopal house in the XVII — 60s of (In Russ.).the XVIII century: dissertation ... Candidate of Historical Sciences.* Barnaul. 294 p.
- Komolova, E. V. (2006). *Voronezh diocese at the end of the XVII—XVIII centuries: education, church organization, socio-political relations: dissertation...* Candidate of Historical Sciences. Voronezh. 362 p. (In Russ.).
- Makarii (Mirolyubov N. K.). (1999). *Monuments of Church antiquities: The History of the Nizhny Novgorod hierarchy.* Novgorod: Nizhny Novgorod Fair. 700 p.
- Morokhin, A. V. (2009). *Archbishop Pitirim of Nizhny Novgorod and Alatyr. Church figure of the era of change.* Nizhny Novgorod: Books. 272 p. (In Russ.).
- Oppotsky, A. (1874). Right Reverend Pitirim, Bishop of Nizhny Novgorod, as a figure against schism. *Christian reading.* 11. (In Russ.).
- Pokrovsky, I. M. (1913). *Russian dioceses in the XVI—XIX centuries. Their discovery, composition and limits: The experience of church-historical, statistical and geographical research: in 2 volumes.* Vol. 2. XVIII-th century. Kazan: Center. Type. 892 p. (In Russ.).

- Smolich, I. K. (1996). *History of the Russian Church. 1700-1917*. Book 8. Part 2. Moscow: Publishing House of the Transfiguration of the Valaam Monastery. 798 p. (In Russ.).
- Talberg, N. D. (2008). *History of the Russian Church: in 2 volumes*. Vol. 2. Moscow: The Rule of Faith. 775 p. (In Russ.).
- Verkhovsky, P. V. (1912). *Essays on the history of the Russian Church in the XVIII and XIX centuries*. Warsaw: Printing house of the Warsaw School District. 145 p. (In Russ.).
- Videneeva, A. E. (2001). *Rostov Bishop's House and the system of diocesan administration in the XVIII century: dissertation... Candidate of Historical Sciences*. Yaroslavl. 300 p. (In Russ.).
- Zakrzhevsky, A. G. (2000). *The episcopal authority in the system of church-state relations in the first half of the XVIII century: dissertation... Candidate of Historical Sciences*. St. Petersburg. 183 p. (In Russ.).
- Znamensky, P. V. (2000). *History of the Russian Church*. Moscow: Krutitsky patriarchal compound. 464 p. (In Russ.).

*Статья поступила в редакцию 14.10.2022,
одобрена после рецензирования 10.12.2022,
подготовлена к публикации 27.12.2022.*